

Если произведение человеческое легко понять, толкование бесполезно...

О. Уайльд, «Критик как художник»

14 декабря 2017 г. состоялось очередное заседание Секции критики и литературоведения Санкт-Петербургской организации Союза писателей России. На обсуждение была представлена книга известного петербургского критика Геннадия Мурикова «1917–2017. Вампиры и судьбы России». Автор в течение двух лет работал над книгой и посвятил её столетию Февральской и Октябрьской революциям, это сборник статей, дополненных его рассказами.

Исследования Г. Мурикова позволили ему взглянуть на историю, как на цепочку повторений: примерно каждые сто лет мир претерпевает серьёзные потрясения. На сегодняшний день, по его мнению, мы переживаем информационную революцию. В то же время одним из важнейших определений революции он называет религиозное движение народа.

Надо отдать должное, о событиях и определённых действующих лицах революций 1917 года Г. Муриков собрал множество любопытных фактов из прессы той поры, из писем и мемуаров современников. Особым вниманием исследователя причин и сил, приведших к краху Российской империи и к построению СССР, пользуются масоны и еврей-революционеры. Не ставя под сомнение многолетние изыскания Г. Мурикова, всё же приходится задать вопрос: не чрезмерно ли односторонни они? Не слишком ли удобны облюбованные им «исторические злодеи», чтобы не замечать, что с Петра I в России существовало, по меньшей мере, два народа, белая кость, изъясняющаяся на французском языке, и бессловесные подлые людишки, не говоря об интеллигенции, среда которой также далеко неоднородна? И она, интеллигенция, «всякие негодования на сабли, палки и попов имеет», – писал В. Розанов А. Блоку в феврале 1909 года. Более того, продолжал он, «худо, что даже

кровная интеллигенция не понимает плачущего мужика, что она не постигает тютчевских „бедных селений”, – и тогда оскорблённый народ (не всегда, но иногда) берёт дубьё и начинает погром». Но и интеллигенции «плутяга-разум» подсказывает: «перевешать надо правительство, и за то, что оно вешает». И тут Розанов заговаривает о чём-то таком, о чём старательно молчат многие, болеющие за русский народ, пострадавший в страшные годы революции. «Но ведь это – предлог («что оно вешает»), – говорит Розанов, – а, в сущности, просто хочется повесить. И вот тут зарыт в нас древний Каин, это древнее – „дай полизать крови”, от которого (по-моему) люди только и отделявались древними жертвоприношениями».

Вопросы о глубине залегания Каина в толще русского народа-богоносца и его богоищущей интеллигенции остаются в стороне исследований Г. Мурикова. Впрочем, он имеет на то право. Критика – это не наука и, во всяком случае, не какая-то нравственная археология, чтобы заниматься подобными вопросами; критика, – считает Г. Муриков, – это творчество, прежде всего, это особое видение автора. Раз так, то творец наблюдает то, что хочет видеть и так, как ему свойственно. Кажется, что раз мы все имеем глаза, то видим всё одинаково. Отнюдь. Тем-то и интересен и часто бывает полезен чужой взгляд, что, разнясь с нашим, располагает присмотреться к чему-то ещё, сверх того, что для нас очевидно. Отсюда может возникнуть множество точек зрения, отсюда же перспектива получить некую объёмную картину исторического события. Исходя из этого, логично поблагодарить автора обсуждаемой книги за проделанную работу и посмотреть на неё как на предложение проверить, возможно, откорректировать наше отношение к Революции 1917 года.

Нельзя не отметить, что увлечённому исследователю бесценным помощником в работе над книгой такого плана был бы чуткий редактор, который, не препятствуя творческому порыву автора, способствовал бы более чёткому выявлению концепции книги, определению позиции автора, не позволяющей произвольно трактовать её. Такого редактора, на наш взгляд, книге Г. Мурикова, к сожалению, не хватает. По этой причине в обширном докладе А. И. Белинского по материалам книги прозвучало недоумение по поводу авторского отношения касательно теоретических трудов нацистских идеологов, о которых упоминает Г. Муриков, в частности, в связи с высказываниями Д. Мережковского, уповавшего на Гитлера в деле освобождения России от большевиков.

В прошлом году в Германии разрешили печатать запрещённую десятилетиями «Майн Кампф», манифест нацистской идео-

логии, книгу, кишащую антисемитскими и антиславянскими высказываниями. В отличие от тиражей середины двадцатых годов прошлого века, новое издание снабжено множеством критических комментариев учёных-историков. «Было бы безответственно позволить этому тексту распространяться произвольно», – пояснил издатель, предупреждая о недопустимости возврата к абсурдным дискуссиям 1950-х годов, когда всё сводилось к тому, что во всём виноват Гитлер. Бесплодно задаваться вопросами, как «народ Гёте и Бетховена» дошёл до чудовищных форм расовой ненависти по отношению к евреям и славянам, если не вспомнить слова В. Розанова о притаившемся в человеческом сердце Каине, о желании вешать, которое посещает умы интеллигенции – поистине, демоническое начало не имеет национальности. Не об этом ли хотел сказать Г. Муриков? Так или иначе, обвинения его в каких-либо симпатиях к «фашизму» беспочвенны.

К сожалению, приходится говорить о подобных вещах, происходящих в писательской организации – современные писатели не умеют читать? или вычитывают лишь то, что хотят? или на что способны?..

Дело в том, что произведения ряда русских классиков невозможно выпустить с обширными комментариями подобно немецкому переизданию «Майн Кампф». Между тем, противоречивыми высказываниями по отношению к России, царям – Небесному, а иногда земному, – к русскому народу, к евреям и большевикам, наконец, полны работы П. Чаадаева, В. Белинского, Салтыкова-Щедрина, К. Леонтьева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, В. Розанова, Н. Бердяева... «По отношению к Мережковскому, – писал С.Л. Франк¹ по поводу выхода книги „Грядущий Хам” – недостаточно одно формальное восстановление справедливой оценки его, как крупного талантливой писателя. В его духовном облике, во всём складе и содержании его творчества есть элементы, которые должны непосредственно привлекать всех, уважающих культуру и дорожащих культурными ценностями. Мережковский есть прежде всего художник, человек, одарённый совершенно исключительной чуткостью в своих эстетических восприятиях».

Почему же не относиться к сказанному художником исключительно как к произведению искусства, к написанному критиком как образцу эстетической критики? На примере Мережковского можно сказать и С. Л. Франк говорит, что «сила критического да-

¹ Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996, с. 529.

рования до некоторой степени ослабляется тем, что Мережковский, по-видимому, сам недостаточно его ценит и охотно приносит его в жертву своим собственным излюбленным идеям, своей проповеди. Подобно большинству русских критиков, Мережковский переплетает критику с публицистикой и моралью. Он чувствует себя, прежде всего, проповедником, наставником жизни, философом, и часто насилует объективную критику ради своих субъективных оценок и идеалов»².

Несомненно, и Г. Муриков, «подобно большинству русских критиков...» считает, что критик в России больше, чем критик. В этом его сила, подвигающая его на творчество, и в этом же таится слабость, толкающая оппонентов к нелепым выводам относительно его морали и партийной принадлежности.

О книге Г. Мурикова можно много говорить. Она достойна того, уже хотя бы потому, что у внимательного читателя вызывает желание вступить в творческую дискуссию не только на предмет движущих сил революции, но и о произведениях современной литературы. Также в ней речь идёт об актуальности сегодня не случайно забытых авторов, таких как Вс. Крестовский, произведения которого во многом разъясняют отработанные веками механизмы управления общественными процессами. Другое дело, что хотелось бы видеть полемистов людьми, «уважающими культуру и дорожающими культурными ценностями». Этого как раз в полной мере и нельзя сказать не только по результатам прошедшего обсуждения на Секции критики и литературоведения, но в целом о культуре современного обмена мнениями по вопросам литературы. Поэтому со следующего года целесообразно будет авторам, предлагающим свои книги к обсуждению, высылать тексты в электронном виде членам Секции и всем, чьё мнение для них представляет интерес. Реакцией на авторские тексты могут быть написанные статьи, заметки, тезисы, с которыми желающие выступят на очередных заседаниях. Это позволит снизить издержки непредсказуемости «разговорного жанра», а попросту демагогии, часто уводящей от сути критики и литературоведения. Кроме того, естественным образом возникнет реальный материал для тематических публикаций, а также для фиксации и исследования литературного процесса в Санкт-Петербургском Союзе писателей России.

Санкт-Петербург

² Там же, с. 530.